

В трактовке того, что не осознал тот, кто употребил выражение, может усматриваться простор для произвола. Однако, во-первых, речь не идет о том, чтобы вменять что-либо автору, а, во-вторых, произвол должен жестко ограничиваться тем, какие значение и смысл придаются выражению социальной группой, к которой принадлежит употребивший выражение, или просто большинством людей. Любой специализированный язык вторичен по отношению к естественному языку, который является базовым языком мышления.

Возьмем в качестве примера терминологические возможности, которые открываются примерами классификации видов мышления. Часто называют три вида мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое. Поскольку указано слово, т.е. один вид знаков, значит, следует рассмотреть виды мышления, оперирующие всеми возможными видами знаков. Логической может быть переработка не только словесно передаваемой информации, так надо рассмотреть образное «логическое» и «нелогическое» мышление и т.д.

Другой пример – классификация рассуждений. Она может идти по следующим основаниям: 1) по тому, направлено ли рассуждение от основания к следствию или от следствия к основанию; 2) по тому, считает рассуждающий основание истинным или ложным; 3) по тому, считает рассуждающий следствие истинным или ложным; 4) истинно или ложно основание в действительности; 5) истинно или ложно следствие в действительности и др. Отсюда 2^{5+x} разновидностей рассуждений. Среди них все разновидности объяснения и опровержения и т.д., и все они заслуживают рассмотрения на предмет существования и полезности.

Ларин Е.И.
(БелГУ, Белгород)

Рациональное и нерациональное в революционной теории и практике марксизма

Рациональное и нерациональное, как частный случай иррационального, отличаются друг от друга глубиной проникновения человеческого сознания в объективный мир. На уровне рационального господствует разум, логика, точный расчет. На уровне нерационального – чувства, эмоции, эмпирия. На этом уровне сознания взгляд как бы скользит по поверхности вещей, не добираясь до их сути. Здесь до ошибки – один шаг. Правда, и на уровне нерационального, эмпирического мышления с помощью воображения и интуиции можно стихийно прийти к истине. В то же время и в теоретических рассуждениях можно крупно ошибиться, если ввести в ткань рационального нерациональные моменты. Подобно компьютерному вирусу, они могут исказить или вовсе разрушить логическую систему, привести к неверным выводам и обобщениям. Вся сложность заключается в том, что мы не всегда можем четко определить границы рационального и нерационального. То и другое нередко составляют

одно целое, причем, их противоречивость не всегда очевидна, т.к. часто носит скрытый характер. Подобная диалектика исключает возможность все расставлять по своим полочкам, воспринимать реалии в черно-белых тонах. О том, как трудно разобраться в содержании рационального и нерационального применительно к мыслям и делам людей, научным теориям и социальным событиям, подтверждает теория и практика марксизма.

Никогда еще научная мысль не создавала такой рациональной, логически стройной и убедительной теории преобразования человеческого общества, как учение К. Маркса. Будущее общество, базирующееся на общественной собственности и свободном труде, на принципах коллективизма и гуманизма, должно было разрешить антиномию рода и вида, общества и человека, сделать свободными всех и каждого. Во всех ключевых работах марксизма убедительно доказывалась верность расчета на преобразование буржуазного общества в коммунистическое. Идея ликвидации не только капиталистической, но и всякой иной частной собственности как основы отчуждения личности и возрождения на новой исторической фазе общественной собственности имеет под собой основания. Был зафиксирован факт отрицательного воздействия частной собственности как на человека труда, так и на собственника средств производства. Того и другого она морально калечит и опустошает, предельно сужая жизненный кругозор и ограничивая богатство человеческих отношений меркантильными интересами. Это не может не служить предостережением и для нас, ставших на путь рыночных отношений.

Основными средствами преобразования мира марксизм провозглашает классовую борьбу и социальную революцию. После победы революции и установления диктатуры пролетариата общество постепенно превращается в ассоциацию без каких-либо антагонизмов. Коммунизм как новая общественно-экономическая формация рассматривается как ассоциация производителей, основанная на началах коллективизма без классовых различий, преобладании крупной промышленности, общественной собственности, централизованном планировании, на прямом, минуя опосредование товарно-денежными отношениями, распределении.

Все рационально, четко аргументировано, перспективы будущего поражают воображение и вселяют в сердце надежды. Такое учение не могло не увлечь за собой миллионы людей. Не случайно, марксизм стал одной из самых влиятельных идеологий второй половины XIX и почти всего XX веков, учебником жизни для многих революционеров. Но история человечества никогда не развивалась по теориям и учебникам. У нее своя, и далеко не всегда рациональная, логика. История откорректировала ряд важнейших положений Маркса, касающихся классовой борьбы и революции, диктатуры пролетариата и гражданской войны, сроков и особенностей переходного периода. И хотя она и предоставила теории уникальный шанс революционного преобразования общества, судьба великого учения оказалась в конечном итоге трагичной. Конец XX века стал временем ее заката. История в которой раз посмелась над самыми дорогими идеалами людей.

В чем же причины такого финала? Марксизму прежде всего не повезло с теми, кто взял на себя ответственность претворять рекомендации революционного учения в жизнь. Исполнителями оказались не те, на кого рассчитывал Маркс. Его теория была адресована передовым буржуазным странам, а семена упали на почву полуотсталой крестьянской страны, которая и в капитализме-то еще не успела как следует пожить, и с феодализмом полностью не рассталась. Русские большевики революционный переворот совершили, но построить новое общество по Марксу так и не смогли. Они попытались это сделать, но только надорвались. То, что получилось у них на практике, оказалось столь неразумным и нерациональным, таким далеким от светлых и гуманистических идей Маркса, что выглядело злой карикатурой на великое учение и больше походило на пророчества Ф. Достоевского и Дж. Оруэлла. Вместо злаков вырос чертополох. Подобный социальный эксперимент проводился и в других странах и дал тот же самый результат. Разумные, рациональные теоретические положения марксизма на практике превращались в свою противоположность. Обратимся к фактам.

Задолго до пролетарских революций, когда «призрак коммунизма» только еще «бродил по Европе», его пророки обещали после свержения капитализма снять с людей историческое проклятие, именуемое отчуждением личности. Но вот час капитализма пробил, экспроприаторов экспроприировали, установилась диктатура пролетариата. И что же? Реальный социализм не только не упразднил прежние формы отчуждения, но добавил к ним новые. Более того, отчуждение приобрело тотальный характер. Человек отчужден от политической власти, демократических свобод, многих культурных ценностей и – что самое чудовищное – от своей собственной жизни. Миллионы ни в чем не повинных людей закончили свою жизнь в ГУЛАГе. Ни в каком другом цивилизованном мире человеку не приходилось идти на такие жертвы и унижения, как к тоталитарном государстве. Рациональная идея освобождения человека от отчуждения закончилась полным абсурдом.

В обществе, провозгласившем лозунг «все для человека», долгое время бытовал миф о формировании новой, гармонически развитой личности. Между тем государство делало все возможное, чтобы этот лозунг никогда не воплотился в жизнь. И все же «своего» человека тоталитаризм создал. Им стал маргинал.

Маргинал – удобный для властей человек. Он легко управляем, у него элементарные запросы к жизни. Его устраивает невысокий, но гарантированный заработок. У него нет особых жизненных запросов, принципов и убеждений. Жизненная философия маргинала предельно проста. Не обременяет он себя и необходимостью принимать какие-либо важные решения. За него это делают другие. Не волнуют маргинала и вопросы профессиональной чести и социальной ответственности. То уродливое, что мы видим в окружающей нас жизни, это в основном дело его рук. На маргинала как на самый надежный «винтик» государственной машины и сделал тоталитарный режим основную ставку. Однако именно этот самый многочисленный класс в конце концов и привел страну к катастрофе. Опасность маргинала – в его историче-

ской бесперспективности. Отсутствие критического, творческого начала, без чего деятельность не может быть продуктивной, а жизнь содержательной, равнодушие к судьбам страны и собственной судьбе, психология обывателя сделали свое дело. Люди «второго сорта», люди вчерашнего дня толкали общество не вперед, а назад. В истории они сыграли примерно такую же роль, как и некогда рабы древнего Рима. Как только их труд стал непроемчивым, они превратились в балласт истории и погубили империю.

Итак, приходится констатировать серьезные расхождения между теорией и практикой марксизма. Насколько рациональна, хороша теория, настолько иррациональна, неразумна и сомнительна практика. Напрашивается вывод: практика оказалась недостойной своей теории, так как дискредитировала последнюю. Но следует ли искать причину трагедии марксизма только в самом социальном эксперименте? Не содержится ли определенная доля вины в самой теории? Все ли в ней верно?

Еще совсем недавно подобный вопрос воспринимался бы как нонсенс и недопустимая крамола. Социальный статус марксизма был предельно устойчив в обществе, а вера в его истинность беспредельна. Это выразилось в известном изречении Ленина, самого преданного последователя Маркса, отбрасывающего прочь всякие сомнения: «Учение Маркса всесильно, потому что верно».

Фундаментальная и очень убедительная теория Маркса о построении самого совершенного общества на земле, бесспорно, заслуживает самого пристального внимания и уважения как одно из достойнейших творений человеческого ума. Но если отбросить в сторону эмоциональные и иррациональные моменты восприятия этой теории (абсолютизация, превращение в догму, веру, использование в качестве панацеи в решении жизненных проблем и т.д.) и подойти к ней объективно, беспристрастно, то в марксизме можно будет обнаружить достаточно спорные, если не сказать, ошибочные моменты.

Первое. Это завышенная оценка степени концентрации капиталистического производства, из чего следовала логически правильная, но исторически неверная посылка о скором ниспровержении буржуазного строя. Позже Маркс и Энгельс признавали ошибочность этого утверждения. При всем рациональном, научном подходе к предмету своего исследования у творцов научного социализма присутствует субъективный момент, связанный с глубокой заинтересованностью скорейшего свершения событий. Отсюда забегание вперед и поспешные выводы.

Второе. Основная ставка делалась на революционное насилие: классовая борьба – пролетарская революция – диктатура пролетариата. Идеи эволюционного развития общества и реформ отбрасывались как жалкие утопии. Русские большевики и их последователи реализовали эту схему, являющуюся центральным звеном теории научного социализма, и довели ее до абсурда, создав тоталитарное общество со всеми его атрибутами.

Третье. Маркс и Энгельс высказывали мысль о том, что сразу же после свершения буржуазного строя государство диктатуры пролетариата сворачи-

вает товарно-денежные отношения и переходит к распределительной системе. Даже частичное использование этой идеи применительно к селу поставило Россию на край катастрофы, от которой ее спасла НЭП, упраздненная впоследствии Сталиным и вернувшая всерьез и надолго редистрибутивную экономику.

Какие из всего этого напрашиваются выводы?

При всей своей научной глубине и аргументированности марксизм на практике оказался несостоятельным, так как не смог достичь главной цели – построения совершенного и справедливого общества на планете. Вместо него мир получил злую пародию, антиутопию. То нерациональное и ошибочное, что таилось (и слишком поздно было осознано) в глубине величайшей теории, сыграло свою роковую роль. Поэтому, как ни горько это сознавать, марксистское учение, вопреки надеждам и чаяниям миллионов, – очередная историческая утопия, но такая, каких мир еще не знал.

Итак, практика как главный критерий истины сказала свое слово, история все расставила по своим местам. Но и негативный результат тоже много значит, ибо содержит в себе элементы рационального, позитивного. Он показывает, в каком направлении пока не следует идти человечеству и как опасно доверять свою судьбу кумирам.

И все же, думается, на марксизме еще рано ставить точку. Идеи Маркса бессмертны, как бессмертна человеческая мечта о лучшей доле. Человечество не сможет навсегда заикнуться на капитализме. Когда буржуазный строй исчерпает свои жизненные ресурсы, тогда, возможно, вспомнят о Марксе. Но строить новую жизнь будут не по его теории революционного насилия, а в соответствии с новыми реалиями, о которых мы пока еще не знаем.

Гибелев И.В.
(Белгород)

Рациональное – внерациональное в перспективе постмодерна

Говоря о видении проблемы рационального-внерационального в перспективе постмодернистского опыта, в первую очередь необходимо отметить, что для него данное соотношение актуально при анализе ушедшей истории, прошлого. Если для раннего этапа постмодерна характерно стремление перевернуть оппозицию, онтологически и ценностно переосмыслить ее, то впоследствии он стремится преодолеть бинарность мышления в целом и, как следует, самостоятельность феномена мышления. Бинарное членение на рациональное и внерациональное, собственно, является проблемой западно-европейской культуры, к которой, видимо, все-таки относится и наша культура. Со времен Парменида один из членов оппозиции выступает доминирующим. Всеобщее лучше единичного, рациональное лучше вне- или иррационального и т.п. Положительная онтологическая, познавательная и ценно-